

Чернышевский Н. Г.: Заметки при чтении "Биографических сведений" о Некрасове, помещенных в I томе "Посмертного издания" его "Стихотворений", СПб. 1879

**ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ
"БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ"
О НЕКРАСОВЕ, ПОМЕЩЕННЫХ В I ТОМЕ
"ПОСМЕРТНОГО ИЗДАНИЯ"
ЕГО "СТИХОТВОРЕНИЙ", СПБ. 1879**

<...>Он был хороший человек с некоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности эти слабости не были нимало загадочными сами по себе; не было ничего загадочного и в том, почему они развились в нем; общеизвестные факты его жизни очень отчетливо объясняют это. А если кому-нибудь из его знакомых не ясно было, почему он поступил так, а не иначе в каком-нибудь случае, то надобно было только спросить у него, почему он поступил так, и он отвечал прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда бы уклонился от прямодушного объяснения своих мотивов, - ни одного такого случая не было, не то что лишь в разговорах его со мною, но и во всех тех разговорах с другими, какие происходили при мне. Он был человек очень прямодушный.

<...>Когда дошло и до крайнего своего предела расширение цензурных рамок, Некрасов постоянно говорил, что пишет меньше, нежели хочется ему; слагается в мыслях пьеса, но является соображение, что напечатать ее будет нельзя, и он подавляет мысли о ней; это тяжело, это требует времени; а пока они не подавлены, не возникают мысли о других пьесах; и когда они подавлены, чувствуется усталость, отвращение от деятельности, слишком узкой. Я говорил ему: "Если б у меня был поэтический талант, я делал бы не так, я писал бы и без возможности напечатать теперь ли, или хоть через десять лет; писал бы и оставлял бы у себя до поры, когда будет можно напечатать; хотя бы думал, что и не доживу до той поры, все равно: когда жнибудь, хоть после моей смерти, было бы напечатано". - Он отвечал, что его характер не таков, и потому он не может делать так; о чем он думает, что этого невозможно напечатать скоро, над тем он не может работать. - Причина невозможности всегда была - цензурная¹.

Он был одушевляем на работу желанием быть полезен русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведение будет скоро напечатано; если бы он заботился о своей славе, то мог бы работать и с мыслью, что произведение будет напечатано лишь через двадцать, тридцать лет; право на славу заработано созданием пьесы; когда оно будет предъявлено, все равно; даже выгоднее для славы, если оно будет предъявлено через десятки лет; посмертные находки ценятся дороже даваемого поэтом при жизни. Но они служат только славе поэта, а не обществу, вопросы жизни которого уж не те, какие разъясняются посмертною находкою.

<...>В тот день, когда было обнародовано решение дела², я вхожу утром в спальную Некрасова. Он, по обыкновению, пил чай в постели. Он был, разумеется, еще один; кроме меня, редко кто приходил так (по его распределению времени) рано. Для того я и приходил в это время, чтобы не было мешающих говорить о журнальных делах. - Итак, я вхожу. Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: "Так вот что такое, эта "воля". Вот что такое она!" - Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: "А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это". - "Нет, этого я не ожидал", - отвечал он, и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения³.

<...>Очень большое умение владеть собою действительно было у Некрасова. Но "скрытен" он не был. Он только не был охотник говорить о себе, отчасти по скромности (это главное), отчасти потому, что знал из собственного опыта, как скучно, и утомительно, и смешно слушать охотников много толковать о себе; он не хотел быть скучным и смешным. Но когда

видел, что человек желает слушать, то говорил с полной откровенностью, лишь бы человек, желающий слушать, казался ему заслуживающим его откровенность.

Примечания

В 1879 году в Петербурге вышло первое посмертное собрание стихотворений поэта: "Стихотворения Н. А. Некрасова. Посмертное издание" в четырех томах. Оно было издано по инициативе сестры Некрасова - А. А. Буткевич, под редакцией известного библиографа С. И. Пономарева, при участии М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича. Первому тому было предпослано предисловие А. А. Буткевич и биографический очерк, написанный А. М. Скабичевским, который в первоначальном варианте публиковался в "Отечественных записках" (1878, NoNo 5, 6); Н. Г. Чернышевский, познакомившись с этим изданием, написал "Заметки при чтении "Биографических сведений" о Некрасове". Впервые о них он упомянул в письме О: С. Чернышевской от 9 июня 1886 года: "Увидишь Сашеньку (А. Н. Пыпина), скажи, что вчера я начал писать для него "Заметки при чтении Некрасова" (*Чернышевский*, т. XV, стр. 587). В письме А. Н. Пыпину от 17 июня 1886 года Чернышевский так мотивировал свое желание писать эти "Заметки": "Биографические сведения" и разные приложения, помещенные в "Посмертном издании" "Стихотворений" Некрасова, будут, вероятно, служить материалами для последующих биографов его или ценителей его произведений. Потому Мне вздумалось сделать некоторые заметки к ним" (там же, стр. 592).

"Заметки" отчасти полемичны. Утверждая, что "ровно ничего "загадочного" в Некрасове не было" (*Чернышевский*, т. I, стр. 742), Чернышевский, по всей вероятности, спорит с Достоевским. Чернышевский подчеркивает особенность личности поэта: "Он был великодушный человек сильного характера" (там же, стр. 753).

Печатается с сокращениями по изданию: Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч. в пятнадцати томах, т. 1, Гослитиздат, М. 1939, стр. 742, 744, 747, 750.

¹ Стр. 334. Об этом см. стр. 326.

² Стр. 335. Имеется в виду правительственный манифест 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян.

³ Стр. 335. Весной 1889 г. об этом же эпизоде Чернышевский рассказывал Л. Ф. Пантелееву так: "В день объявления воли я пришел к нему утром и застал его в кровати. Он был в крайне подавленном настроении; кругом на кровати лежали. разные части "Положения" о крестьянах. "Да разве это настоящая воля! - говорил Некрасов. - Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами". Так что мне пришлось даже успокаивать его" (Л. Ф. Пантелеев, Воспоминания, Гослитиздат, 1958, стр. 476).